РОССИЙСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА: СВОБОДА ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

Кирилл Светицкий,
"Известия"

Жаловаться бессмысленно, подавать в суд - некогда

Идеальной для свободы доступа к информации журналиста и любого гражданина была бы ситуация минимальной зависимости от государства и его институтов. Сегодня невозможно институциональными методами заставить чиновников делиться информацией. Человек, незаконно отказывающий в информации, сейчас не боится ни общественного мнения, ни суда, ни начальства. Если журналист прибегает к помощи законов, то усложняет себе жизнь: проходит сложные системы согласования, судебные разбирательства, а это все долго и нудно. Прессе нужно просто больше денег, чтобы она могла конфиденциально покупать информацию.

Летом 1994 года, когда я работал корреспондентом в еженедельнике "Век", мне потребовалось побеседовать в гостинице "Россия" с человеком, который там проживал. Около четырех часов утра вместе с ним и с моим коллегой Александром Мнацаканяном мы пытались войти в гостиницу, нас остановила местная служба безопасности. Мы объяснили, что согласно Закону "О СМИ" ограничения на доступ журналистов в государственное учреждение быть не должно. Нам посоветовали обратиться за разрешением к находящемуся тут же милиционеру, так как здание режимное. Он нам отказал в грубой форме, после чего мы напомнили ему статью Закона УК РФ о воспрепятствовании работе журналиста. Тогда работник милиции отказался отдавать наши журналистские удостоверения и угрожая, стал размахивать у нас перед глазами пистолетом. Нам пришлось просить человека позвонить в дежурную службу ГУВД, чтобы сообщить о творящемся беззаконии.

Осенью 1994 года, когда я работал в газете "Век", мне потребовалось получить информацию из МВД о контрабанде, хищениях, незаконном хранении изотопной продукции. Я отправил официальное письмо в МВД и созвонился с начальником восьмого главка МВД А. Тереховым, который отвечает за расследования этих дел. Письмо осталось без ответа, а господин Терехов устно отказался отвечать на любые вопросы по этой теме. Никаких мер я принимать не стал, так как знаю, что жаловаться высшему начальству бессмысленно, а подавать в суд - некогда. В итоге я сделал материал, связавшись с работниками ФСБ.

В августе 1995 года, встретившись в политклубе "Зеркало" с пресс-секретарем Главного Управления Охраны РФ С. Девятовым, я задал ему несколько вопросов, ответы на которые имеют право знать налогоплательщики: о бюджетном финансировании ГУО, о численности, есть ли информационно-аналитические службы и др. Из всех, на мой взгляд, невинных, не раскрывающих тайны оперативно-следственной работы вопросов был дан ответ только на один: что общая численность этого Управления более 10 тыс. человек.

В августе 1995 года наша газета пыталась выяснить, действительно ли был судим и отбывал наказание в местах заключения К. Салимов, который до августа 1995 года был министром внутренних дел Таджикистана, а потом был при странных обстоятельствах уволен. Мы отправили официальный запрос в Информационный Центр МВД России. В информации нам было отказано, ссылаясь на то, что она относится к тайне частной жизни. Я объяснил, что результаты судебного процесса - это открытая информация, но все равно, не найдя другой мотивировки, наш запрос оставили без ответа.

В сентябре 1995 года я ездил в командировку под Грозный в штаб объединенной группировки федеральных войск в Чеченской республике, находящийся на территории аэропорта Ханкала. Проблема получения информации в данном случае заключалась в том, что дозвониться в пресс-службу, расположенную на территории аэропорта, было невозможно, пройти через пост - тоже. Также не удалось вызвать кого-то из пресс-

службы к журналистам. Просто армейские начальники использовали свою пресс-службу для перекрывания информации: на нее ссылались, но добраться до нее было сложно. В итоге журналисты нашли простой выход: обходили забор, тянувшийся метров на двести от поста, и проходили на охраняемую территорию, куда им нужно.
В октябре 1995 года в редакцию поступили данные о том, что у Председателя Центризбиркома г-на Рябова находится на руках наган, который был ему подарен в Приднестровье. Я позвонил заместителю начальника ГУВД Москвы Панкратову с вопросом: можно ли мне узнать, зарегистрировано ли это оружие. Я получил отказ без какой-либо мотивации, хотя и пытался выяснить, чем он обоснован. Тогда я позвонил в пресс-службу с тем же вопросом, мне ответили: "Не дадим этой информации, вдруг Вы напишете что-нибудь не то". На мое требование объяснить, на какой пункт закона они ссылаются, отказываясь предоставить информацию, услышал: "Присылайте официальный запрос, через полтора месяца получите официальный отказ, тогда и узнаете".